

— Я думал, ты будешь сообразительнее, раз получил полную стипендию и всё такое. Но ты тугодум, верно?

В голове загудело. Константин смотрел на меня сверху вниз с той самой мягкой улыбкой, но он больше не казался тем Константином, которым все восхищались. Словно незнакомец надел его кожу. Мне стало трудно дышать.

— Я имею в виду, что если ты останешься здесь, будешь делать, что я велю, и держать рот на замке, то я позабочусь о том, чтобы в следующем году ты снова получил полную стипендию. Моё решение. Вне зависимости от твоих оценок.

Даже после его объяснения я лишь растерянно моргал. Действительно ли я понимал его? Разум словно странно оцепенел.

— И в качестве бонуса: если ты мне достаточно понрависься, я могу даже гарантировать тебе её каждый год до самого выпуска.

— Как?..

— Как? Я выпускаюсь в этом году, и тогда этот фонд перейдет ко мне. Конечно, если твои оценки будут совсем уж чудовищными, это создаст проблемы, так что постарайся хоть немного.

Я едва мог соображать здраво. Полная стипендия до выпуска? Просто за то, что я буду делать, как он скажет? Это правда? Не шутка?

Вопросы возникали, но колебания длились недолго. Это было лучше, чем каждый год дрожать за стипендию. А главное, это означало жить под одной крышей с Константином — тем, кем я смел восхищаться лишь издали.

Такой дом, своя комната... как я мог отказаться? Для того, у кого нет ничего, это был шанс всей жизни. Шанс, который нельзя упустить. В тот момент это было единственным, о чем я думал.

— Тогда... я с благодарностью принимаю ваше предложение.

Я склонил голову, отбросив гордость. Константин окинул меня странным взглядом.

— Хм? Тебе это показалось предложением? Ха-ха, ну, пусть будет так.

Он рассмеялся, явно забавленный. Я не понял смысла его смеха. Я не знал, что он насмехается надо мной. Я не знал, что это вовсе не предложение, а приказ, от которого невозможно

отказаться. Всё, что я видел — это человека, покорившего моё сердце с первого взгляда, который теперь улыбался мне, и от этого я вспыхнул.

— Как тебя зовут?

Смутившись, я снова опустил голову. Сверху упал простой вопрос. Я даже не мог поднять лица. Мои губы едва шевельнулись.

— Сун... о...

Голос дрожал от нервов. Я даже споткнулся на последнем слогe, отчего звук вышел неясным. Я не смог даже собственное имя произнести нормально.

— Сан? Сан, значит. Хм, Санни («Солнышко») будет проще тебя называть. Как тебе? Санни, звучит неплохо, правда?

Пропустив «о», Константин сам дал мне прозвище. Его голос был таким нежным, что это зачаровывало. Я мог только кивать снова и снова, не в силах сопротивляться. Санни — так обычно называли девочек, но это не имело значения. Пока он звал меня, неважно, какое это было имя.

И так, с того дня и до самого выпуска, Константин звал меня Санни. Для него и для всех окружающих это и было моим именем. Никого не заботило моё настоящее.

Позже я узнал, что роскошное общежитие, в котором жил Константин, было зданием, которое его отец подарил университету, когда сына зачислили. Общежитие, построенное специально для него, в комплекте с личным шеф-поваром и горничными.

Как его соседу по комнате в этом особенном месте, мне по большей части вменялось в обязанности исполнение поручений.

Константин, который должен был войти в семейный бизнес сразу после выпуска, совмещал учебу с делами компании. Его натаскивали перед тем, как он официально займет место в руководстве. У него был сокрушительный график, который обычные люди не могли себе даже представить.

У него был даже личный персонал, несмотря на статус студента. Но поскольку посторонние не могли жить в общежитии постоянно, он использовал соседа в качестве мальчика на побегушках. Этим мальчиком был я.

В тот момент, когда я это осознал, возник вопрос. Зачем Константину вообще жить в общежитии? Он сын магната, будущий генеральный директор. В кампусе к нему и так относились по-особенному. Это общежитие не имело ничего общего с обычными.

Но мой вопрос был глупым. Такие люди, как он, жили жизнью, совершенно не похожей на нашу, и думали иначе.

Их заботила видимость. То, как они выглядят и какими хотят казаться. Они выстраивали и поддерживали имидж. Некоторые наследники жили безрассудно, но большинство дорожило своей репутацией.

Константин мастерски создал свой образ и безупречно представил его миру. Его очаровательная улыбка, вежливые манеры, благотворительные пожертвования — всё это было частью игры. Иными словами, Константин, которого знал мир, и настоящий Константин были двумя разными людьми.

Общежитие было частью этого образа. Чтобы показать, что даже будучи богатым наследником, он живет как другие студенты, деля комнату с соседом. И я был необходим для этой картинки.

Мне не потребовалось много времени, чтобы понять, что за человек Константин на самом деле. В своем личном пространстве он не утруждал себя ношением маски.

Но, возможно, потому что он был первым человеком, в которого я когда-либо влюбился, я не мог сбежать от него — даже узнав, что он способен задушить кого-то с тем же самым улыбающимся лицом.

Я не мог его ненавидеть. И дело было не в стипендии. С того момента, как я впервые увидел его, мои глаза были прикованы только к нему. Я уже был полон им.

Я даже не понимал, как мог влюбиться так глубоко. Моя голова была забита им, и от этого невозможно было освободиться. Что бы он ни делал, я не мог не любить его.

Когда он проявлял редкие моменты доброты, я был вне себя от счастья. Я делал всё возможное, чтобы угодить ему, чтобы заслужить хотя бы единое слово похвалы. Каким бы ни было задание, я отдавался ему целиком.

Прошли недели в этом похожем на пентхаус общежитии.

— Санни. Я знал, что я тебе нравлюсь, но... нельзя же быть настолько вульгарным в этом.

Константин негромко цокнул языком, обеспокоенно сдвинув брови.

Мои шаги казались необычайно тяжелыми, когда я поднимался по старой деревянной лестнице. Прошло меньше двух недель с тех пор, как Джефф пригрозил мне не показываться на глаза, пока моё разбитое лицо не заживет. Так зачем он позвал меня в такой спешке? Лицо уже можно было привести в приличный вид с помощью грима, но раны еще не затянулись до конца. О чем могла идти речь?

Джефф мог говорить грубо, но он был из тех людей, кто переживал по-своему. Он бы не вызвал меня до исцеления травм, если бы дело не было серьезным. От этого мне становилось только тревожнее. Это должно было означать, что возникла крупная проблема.

Кончики пальцев похолодели от тревожных мыслей. Честно говоря, мне хотелось развернуться и уйти из здания. Я не хотел слышать то, что скажет Джефф. Нехорошее предчувствие становилось тяжелее с каждой ступенькой, ведущей к его кабинету.

Сам того не замечая, я почувствовал, как ладони взмокли от пота. Я нахмурился и вытер их о джинсы. Когда я добрался до третьего этажа, слышались голоса.

Как и на прошлой неделе, когда я заходил в последний раз, кто-то смотрел какую-то прямую трансляцию на телефоне. И снова темой были «Имена». Неуклюжая имитация голоса диктора новостей смешивалась с бормотанием слушавших мужчин, звук становился громче.

— ...Вот почему говорят, что те, кто «рожден с Именем», прокляты. Если им не удастся найти своего «Получателя Имени», их состояние ухудшается и в конечном итоге приводит к смерти.

Диктор говорил торжественно-мрачно. Один из мужчин, смотревших видео, цокнул языком.

— Видите? Разве это не жутко? Говорят, если не найдешь того, кто получил твое имя, ты подхватишь какую-нибудь неизлечимую болезнь и умрешь жалкой смертью. С ума сойти.

— Да хватит уже, задолбал. Тошно это слушать. Ты мне надоел.

— Но это же чертовски интересно! Это самая загадочная вещь, происходящая в мире прямо сейчас. И жуткая до чертиков.

Мужчина драматично взмахнул рукой, повысив голос. Остальные, стоявшие рядом, раздраженно зацокали. По их лицам было видно, что им это осточертело. Должно быть, они слушали это слишком много раз.

— Сначала ты хотел стать «Получателем Имени» какого-нибудь знаменитого парня, а теперь вопишь о том, как это жутко. Ты уж определись.

Кто-то огрызнулся на него, но мужчина лишь фыркнул.

— Конечно, я бы всё равно хотел получить Имя знаменитости. Это бы перевернуло твою жизнь в один миг. Но я точно не хочу быть тем, кто рожден с Именем. Одно неверное движение — и ты труп.

— А мы разве не делаем сотню вещей опаснее этого каждый божий день?

— Тьфу, с вами невозможно разговаривать.

Я не смог сдержать горькой улыбки, слушая их перепалку. Как и на прошлой неделе, они всё еще твердили об «Именах», но теперь детали сместились. Тот, кто это смотрел, должно быть, готовится писать диссертацию на эту тему.

Я тихо хмыкнул и одолел последнюю ступеньку. Как только я свернул в коридор, члены китайской банды дружно посмотрели на меня. Я слегка кивнул, и один из них небрежно махнул рукой в знак приветствия.

Не отвечая, я прошел мимо них и постучал в дверь Джеффа. Их болтовня об опасностях «Имен» всё еще бессмысленно жужжала в ушах. Но затем резкое «Войди» Джеффа выбило всё это из головы.

— Мужик, ты слишком много паришься.

Когда я открыл дверь, Джефф уже говорил по телефону, прижимая трубку к уху одной рукой, а другой махая мне, чтобы я заходил. Я медленно пошел к нему.

— В моём районе ничего подобного нет, так что занимайся своими делами. Я сказал, у меня таких нет. Ты просто стареешь, впадаешь в паранойю и пилишь меня без повода.

Мне даже не нужно было гадать, с кем он говорит — тон выдавал его с потрохами. Это наверняка был Сэм, управляющий Восточным побережьем. Джефф ведал Западом, Сэм — Востоком. Иногда они вели себя как враги, остро и колюче, но в то же время были близки, препираясь как старые боевые товарищи.

Джефф хмурился во время разговора, затем указал на диван. Я молча сел напротив него. Звонок затянулся. Сэм, должно быть, на этот раз заседал всерьез. Джефф морщился, огрызаясь в ответ, пока наконец не повесил трубку.

— Стукачи, маму их.

Джефф раздраженно выключил телефон и швырнул его на диван. Тот один раз подпрыгнул и замер. Я равнодушно наблюдал за его падением.

— Стукачи?

— Сэм стареет и ловит паранойю. Говорит, у нас может быть крыса. Что за бред. Самый «зеленый» парень в нашей банде здесь уже два года. Я точно знаю, что каждый из них делал и кто они такие. Полная чушь.

— Случайно или нет, но осторожность, о которой говорит Сэм, не мешает.

Я ответил сухо. Джефф издал сухой смешок.

— Только ты еще не начинай эти заумные речи, и так голова болит. В общем, ты отдыхал? Лицо выглядит получше.

Он наконец осмотрел меня как следует.

— Ну, в какой-то мере.

— Чхэён тебя не ругала?

— ... Ругала.

— Так тебе и надо.

Джефф усмехнулся и вытащил сигарету, протягивая её мне. То, что он сразу предложил закурить, означало, что ему есть что сказать.

— В чем дело? Просто выкладывай.

Я отмахнулся, напомнив себе о своем вялом обещании хотя бы сократить курение. Вместо этого Джефф бросил пачку на стол, его лицо помрачнело.

— Всё стало немного паршиво.

— Дэниэл что-то сказал? — спросил я ровным тоном, уже наполовину ожидая этого.

Джефф поскреб челюсть.

— Нет, дело в Константине Летове.

<http://bllate.org/book/16515/1506409>